

"The Hypereides Principle": How tolerant were the Athenians of bribes?

A. V. Bazarov¹

¹M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-384-395

Research article

Full text in Russian

The article is devoted to the study of the level of tolerance of Athenian society in the 5th–4th centuries BC to the manifestations of bribery. The author systematizes the main conclusions drawn in historiography on this issue, after which he proceeds to a detailed analysis of a fragment from Hypereides' speech "Against Demosthenes" (Hyp. V. Fr. VI [VII]. Col. 24–25). Based on a comparison of the Russian translation of this fragment with translations in foreign publications, the author comes to the conclusion that the Russian version does not fully reflect the semantic content of Hypereides' original statement. The analysis of the speeches of the oratorical corps indicates the absence of direct evidence confirming the tolerant attitude of Athenian society towards bribery, if it did not harm the interests of the entire polis.

Keywords: bribery; corruption; Athens; speeches of orators; Hypereides

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bazarov, Andrey V. | E-mail: bazarovav@my.msu.ru
Postgraduate

«Принцип Гиперида»: насколько афиняне были терпимыми к взяткам?

А. В. Базаров¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-3-384-395
УДК 94(3)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию уровня толерантности афинского общества V–IV вв. до н. э. к проявлениям взяточничества. Автор систематизирует основные выводы, выработанные в историографии по данной проблематике, после чего переходит к детальному анализу фрагмента из речи Гиперида «Против Демосфена» (Нур. V. Fr. VI [VII]. Col. 24–25). На основании сопоставления русского перевода указанного фрагмента с переводами в зарубежных изданиях автор приходит к заключению, что русскоязычная версия не в полной мере отражает смысловое содержание оригинального высказывания Гиперида. Проведённый анализ речей ораторского корпуса свидетельствует об отсутствии прямых доказательств, подтверждающих терпимое отношение афинского общества к взяточничеству, если таковое не наносило ущерба интересам всего полиса.

Ключевые слова: взяточничество; коррупция; Афины; речи ораторов; Гиперид

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Базаров, Андрей Вадимович		E-mail: bazarovav@my.msu.ru
		Аспирант

Важным инструментом борьбы с коррупцией и взяточничеством является изменение отношения к ним граждан государства. Если люди будут относиться к взяткам терпимо, то борьба (какими совершенными и новыми методами она бы ни велась) с ними не приведет к ощутимым результатам. Между тем терпимость граждан к взяткам иногда вызывает тревогу. Так, например, по данным опроса «Левада-центр», «абсолютное большинство россиян (89 %) считают неприемлемой коррупцию в органах власти, но 20 % допускают решение повседневных вопросов с помощью взяток» [1].

Что касается древних обществ, то измерить степень их терпимости к взяточничеству весьма затруднительно: у нас нет необходимых статистических данных, а социологических опросов попросту не существовало. Собрать сведения о том, как воспринимали взятку в древности, можно лишь по отдельным крупницам, собранным из самых разных источников. Среди античных полисов древней Эллады наибольшую пищу для размышлений предоставляет афинский полис в V–IV вв. до н. э., так как именно от этого периода до нас дошло наибольшее количество письменных источников. Также данный период характеризуется наивысшей степенью развития институтов полисной демократии. Функционирование этих институтов давало возможность для получения взятки, что зачастую подрывало демократические принципы афинского полиса. Поэтому реакция афинян на взяточничество именно в данный период представляет особый интерес.

Исследователи, обращавшиеся к изучению проблемы, говорят об определенной терпимости афинского общества к взяточничеству как к явлению. Однако степень ее до конца не определена. Некоторые исследователи утверждают, что взяточничество среди афинских политиков считалось нормальным: «That Athenian politicians took money was regarded as normal, even if it was better to be like Pericles (Thuc. II 65.8) and not take it» [2, p. 229]. Польский исследователь Р. Кулеша, автор единственной на сегодняшний день монографии о коррупции в Афинах в классический период, пришел к выводу, что социальная система ценностей принимала нелегальные доходы политиков до тех пор, пока их деятельность не вредила государству («Jeżeli ich działalność nie szkodziła państwu») [3, S. 158]. Урсула Ларгер утверждает, что обогащение не рассматривалось только как преступное деяние, но допускалось до тех пор, пока полис и общество в целом не получали от этого никакого вреда («solange der Polis und der Allgemeinheit kein Schaden daraus erwuchs») [4, S. 47]. В похожем тоне высказывается С. Перлман, изучавший взяточничество афинских послов: «Преобладало мнение, что получение взяток является преступлением только в том случае, если оно связано с деятельностью, наносящей ущерб государству» [5, p. 224]. Клэр Тэйлор полагает, что само по себе взяточничество не было приемлемым, но в определенных ситуациях границы между тем, что является приемлемым поведением, а что нет, были размыты [6, p. 160]. Некоторые исследователи связывают лояльное отношение к подкупу с особенностями религиозного сознания эллинов: если можно убедить божество сделать что-либо с помощью дара, то поступать так по отношению к смертным, то есть политикам, считалось вполне естественным [7, p. 108; 8, p. 34].

Большую помощь в анализе отношения афинян к взяточничеству мог бы оказать следующий фрагмент из речи Гиперида «Против Демосфена»: «ὁπερ γὰρ καὶ ἐν τῷ δῆμῳ εἶπον, πολλὰ ὑμεῖς, ὧ ἄνδρες δικασταί, δίδοτε ἐκόντες τοῖς στρατηγοῖς καὶ τοῖς ῥήτορσιν ὠφελεῖσθαι, οὐ τῶν νόμων αὐτοῖς δεδωκότων τοῦτο ποιεῖν, ἀλλὰ τῆς ὑμετέρας πραότητος καὶ φιλανθρωπίας: ἐν μόνον παραφυλάττοντες,

ὅπως δι' ὑμᾶς καὶ μὴ καθ' ὑμῶν ἔσται τὸ λαμβανόμενον» (Нур. V. Fr. VI[VII]. Col. 24–25). Перевод данного фрагмента на русский язык, выполненный Л. М. Глускиной¹, выглядит следующим образом: «Как я уже говорил в народном собрании, вы, граждане судьи, сами, по своей воле позволяете наживаться ораторам и стратегам, ведь не законы дают им право это делать, но ваши терпимость и великодушие: вы заботитесь только о том, *чтобы то, что они получают с вашей помощью, не использовалось против вас*²». Последняя часть фразы дает определенную пищу для размышлений, однако для начала хотелось бы остановиться на переводе. Дело в том, что не все издатели и переводчики Гиперида одинаково понимают фразу ὅπως δι' ὑμᾶς καὶ μὴ καθ' ὑμῶν ἔσται τὸ λαμβανόμενον. Главный вопрос перевода данной фразы заключается в том, как понимать δι' ὑμᾶς. Возможны два варианта:

1. Перевести в значении «полученное благодаря вам», основываясь на том, что предлог διὰ с винительным падежом здесь используется в значении «благодаря чему-либо/кому-либо», «с помощью чего-либо/кого-либо» [11, p. 388–389]. В таком случае можно принять перевод Л. М. Глускиной без изменений. В пользу такого понимания может свидетельствовать употребление δι' ὑμᾶς в той же речи несколькими строками выше: «διόπερ, ὃ ἄνδρες δικάσται, δικάως ἂν ὀργίζοισθε Δημοσθένει, εἰ καὶ δόξης ἱκανῆς καὶ πλούτου πολλοῦ δι' ὑμᾶς μετεσχηκῶς μηδ' ἐπὶ γῆρας ὁδῷ κήδεταί τῆς πατρίδος» («Поэтому, граждане судьи, справедливо, чтобы вы обратили свой гнев против Демосфена, который, получив благодаря вам и немалую славу, и большое богатство, на пороге старости не заботится об отечестве») (Нур. V. Fr. V[VI]. Col. 22). Почти такой же перевод дает Дж. Колин для издания речей Гиперида в серии «Collection Budé»: «Vous n'y mettez qu'une réserve: vous veillez à ce que l'argent reçu le soit avec votre consentement et non à votre détriment» [12, p. 260].

Такой перевод выглядит вполне логичным, но если мы примем его за корректный и снова перечитаем фразу в оригинале, то можно обнаружить два обстоятельства, которые не позволяют согласиться с ним окончательно:

- 1) δι' ὑμᾶς и относящееся к нему τὸ λαμβανόμενον находятся друг от друга слишком далеко;
- 2) δι' ὑμᾶς и καθ' ὑμῶν соединены καὶ μὴ, что наводит на мысль о том, что оба предлога с местоимениями относятся к глаголу ἔσται

Если Гиперид намеревался передать то, что выражено в переводе Л. М. Глускиной, то в таком случае было бы логичнее построить окончание предложения так: «ὅπως μὴ καθ' ὑμῶν ἔσται τὸ δι' ὑμᾶς λαμβανόμενον».

Разумеется, автор древности не обязан был составлять предложения наиболее удобным и понятным для нашего восприятия способом, а древнегреческий язык способен и на более сложные обороты (особенно в риторике,

¹ Перевод был впервые опубликован в Вестнике древней истории [9]. Затем он был использован в новом издании переводов речей аттических ораторов [10, с. 461–520]

² Курсив здесь и далее мой. – А. Б.

где важна была даже длина предложения), однако предложенное построение выглядит несколько более удобным для передачи того смысла, который дан в русском переводе. Можно предположить другой вариант перевода:

2. Перевести как «для вас», предположив, что здесь Гиперид использовал *διά* с винительным падежом в значении *ἐνεκα* [11, р. 388–389]. Такое использование предлога встречается реже, чем «благодаря чему-либо/кому-либо», однако именно такое понимание позволяет преодолеть те обстоятельства, которые возникли в первом варианте перевода.

В большинстве зарубежных публикаций Гиперида и при его переводах в отдельных статьях за основу принимается именно второй вариант. Так, в издании для Loeb Classical Library, которое готовил Д. О. Бурт, предлагается следующий перевод: «But on one point you insist *your interests must be furthered, not opposed*, with the money they receive» [13, р. 519]. Д. Уайтхэд дает похожий перевод: «There is just one proviso: *what they take must be in, not against, your interests*» [14, р. 369]. Той же версии придерживается немецкий исследователь В. Блэзель («...nur ein einziges ist im Auge zu behalten, dass die Bestechungssumme *zu eurem Nutzen und nicht zu eurem Schaden* angenommen wird») [15, S. 138, п. 3]. Если руководствоваться данным переводом, фраза приобретает немного другой смысл. Сравним полученные варианты трактовки высказывания Гиперида:

1) смысл в переводе Л. М. Глускиной: судьи «закрывают глаза» на взятки, если взятки не повредят самим судьям (= афинскому полису);

2) смысл в переводе Д. О. Бурта, Д. Уайтхэда и В. Блэзеля: судьи не наказывают за взятки, если получение взятки принесет им пользу (= пользу городу).

Если принять слова оратора на веру, то данное утверждение кардинально меняет понимание отношения афинян к взяткам: не всякое взяточничество наказуемо, а лишь то, которое задевает личные интересы остальных граждан. Второй вариант перевода дает нам еще более интересное уточнение: афиняне относятся терпимо к тем взяткам, которые приносят городу пользу.

Данная фраза и ее перевод послужили причиной небольшой дискуссии в историографии. Большое внимание ей уделил Ф. Д. Харви, который дал перевод в том же духе, что и Д. О. Бурт и Д. Уайтхэд: «However, you are careful to lay down one condition: that the money they take should be used in your interests, not against them» [7, р. 76]. В своей статье он посвящает большое место анализу этого фрагмента и выдвигает предположение, согласно которому афиняне рассматривали взяточничество, направленное против интересов полиса («catapolitical bribery»), как более серьезное преступление. Данную особенность афинского правосознания ученый назвал «принципом Гиперида» («the Hyperides principle») [7, р. 108–113]. Д. Уайтхэд поддержал данный вывод и назвал принцип справедливым [14, р. 438]. Однако Г. Ванкель отнесся к построениям Ф. Д. Харви с некоторой (подчас

даже едкой) иронией. Он утверждает, что «нельзя видеть в словах оратора вместе с Харви прямое различие между, так сказать, простым взяточничеством и взяточничеством, направленным «против города» и потому единственно наказуемым» [16, S. 34]. Гиперид, подчеркивает Г. Ванкель, использует такие обороты лишь для того, чтобы усилить обвинение против Демосфена, это не более, чем прием, чтобы дискредитировать оппонента, и именно поэтому Ф. Д. Харви не нашел в источниках реальных доказательств своим выводам.

Есть ли у нас какие-либо свидетельства о том, что к определенным взяткам афинское общество относилось терпимо? Сам Гиперид в той же самой речи высказывает мысль, которая, скорее, подтверждает мнение Ф. Д. Харви: «Когда кто-либо берет [деньги], [это] не [всегда] одинаково ужасно: но [вот] [плохо], если [он] взял там, где не следовало [брать]» («οὐ γάρ ἐστιν ὁμοίως δεινόν, εἴ τις ἔλαβεν, ἀλλ' εἰ ὅθεν μὴ δεῖ») (Нур. V. Fr. VI[VII]. Col. 24). Согласно Гипериду, есть случаи, в которых получение денег не приводит ни к чему ужасному, однако некоторые деньги принимать все же не стоит. Получается, что, по крайней мере для Гиперида, взятки действительно можно разделять по степени их вреда. Далее оратор поясняет свою мысль на примере деятельности Демосфена и Демада, которые, по его мнению, получали взятки за предложения псефизм и проксений: «Я полагаю, что и Демосфен и Демад от одних только псефизм и проксений в [нашем] городе получили каждый более чем по шестьдесят талантов, не считая тех [денег, которые они получили] от царя и Александра» (Нур. V. Fr. VI[VII]. Col. 25). Гиперид имеет в виду, что ораторы Демосфен и Демад за взятку предлагали определенные псефизмы на Народном собрании, а также отстаивали интересы других государств за деньги, полученные от проксений. Никакого специального осуждения за эти взятки Гиперид не выражает. Обратим внимание на то, как оратор строит следующее предложение: «Но и те и другие деньги показались им недостаточными, и они приняли взятку, хотя это угрожало жизненным интересам и самому существованию (οἷς δὲ μήτε ταῦτα ἱκανά ἐστιν μήτ' ἐκεῖνα ἀλλ' ἥδη ἐπ' αὐτῷ τῷ σώματι τῆς πόλεως δῶρα εἰλήφασιν)...» (Ibidem). Складывается впечатление, что для Гиперида деньги, полученные Демосфеном и Демадом в первом случае, не представляют серьезной опасности для города. Он не высказывает специального осуждения в контексте получения этих денег. Но зачем тогда вообще об этом говорить? Наиболее вероятно то, что оратор рассказывает о данных эпизодах для создания перед публикой определенного образа Демада и Демосфена. Гиперид представил их как недобропорядочных граждан, которые и до «процесса Гарпала» занимались получением взяток за свои политические услуги. Вряд ли оратор стал бы упоминать об этом факте, если бы такое взяточничество не осуждалось в общественном восприятии.

С определенной осторожностью в данном контексте можно рассмотреть фрагмент из платоновских «Законов», в которых один из участников диалога

га, а именно Афинянин, рассуждает об идеальном устройстве государства: «Тот, кто служит своей родине, не должен принимать за свою службу дары (δῶρων χωρὶς χρη̑ διακονεῖν). Здесь не может быть никаких предлогов, никаких, даже всеми одобряемых, причин и разговоров, будто во имя хорошей цели можно принимать дары, а во имя плохой — нет (ὥς ἐπ' ἀγαθοῖς μὲν δεῖ δέχεσθαι δῶρα, ἐπὶ δὲ φλαύροις οὐ̑). Ведь в этом трудно разобраться и, даже разобравшись, нелегко с собой совладать (τὸ γὰρ γνῶναι καὶ γνόντα καρτερεῖν οὐκ εὐτετές). Всего вернее слушаться закона, повиноваться ему и не оказывать никаких услуг за дары (μηδὲν ἐπὶ δόροισιν διακονεῖν). Ослушник подвергается смертной казни, лишь только он будет изобличен на суде» (Plat. Leg. XII. 955c-d).

Указание на размышления о «хороших» и «плохих» целях позволяет сделать вывод, что Платону так или иначе была знакома ситуация, в которой принятие даров в некоторых случаях не осуждалось. Проблема заключается в том, что мы не можем напрямую подтвердить, что философ отталкивался в данных размышлениях от негативного опыта именно Афин. Хотя стоит учесть, что данный фрагмент является репликой именно Афинянина, а не критянина Клиния или спартамца Мегилла.

В речах ораторского корпуса мы встречаем некий намек на возможность снисхождения к определенным лицам, получившим взятку. Эсхин в речи против Тимарха рассказывает, как некий Демофил выдвинул обвинение против группы лиц, которых он обвинил в подкупе народного собрания и других судов (ἡτιάσατό τινας εἶναι οἱ ἄρα ἐνεχεῖρουν συνδεκάζειν τὴν ἐκκλησίαν καὶ ἄλλα δικαστήρια) (Aeschin. I. 86). Эсхин упоминает, что они в итоге были казнены (ἐλεῖ θανάτῳ ἐζημιώθησαν). В глазах оратора принявшие взятку совершили менее тяжкое преступление, чем Тимарх, торговавший своим телом за деньги: «Ведь несчастные попали в такую беду потому, что не смогли противиться двойному натиску старости и бедности (οὐ δύναμενοι γῆρας ἄμα καὶ πενίαν ἀμύνεσθαι), этих величайших зол в мире, тогда как Тимарх оказался в беде потому, что не хотел сдерживать собственное бесстыдство (οὗτος δ' οὐκ ἐθέλων τὴν ἑαυτοῦ βδελυρίαν κατέχειν)» (Aeschin. I. 88). От этого они не перестают быть безвинными, однако коррупция, мотивированная бедностью взяточника, находит у оратора какое-то рациональное объяснение. Речь идет не о полном оправдании, а, скорее, о некотором моральном снисхождении к взяточникам. В глазах оратора взятка, на которую человек идет из-за сложного материального положения, является менее тяжелым преступлением, чем взятка, которую принимают люди вполне обеспеченные. У таких людей есть средства к существованию, однако они хотят большего.

В речи «Против Демосфена» Динарх говорит о снисхождении к взяточнику перед лицом его заслуг. Оратор указывает Совету на то, что Демосфен является взяточником и допустить его оправдания нельзя. Также ему нельзя сделать послабление в наказании. Последнюю мысль Динарх доказывает, сравнивая заслуги Демосфена и наварха Тимофея перед государ-

ством. Демосфен, согласно Динарху, во всех государственных делах был неудачлив, а теперь ещё ждет оправдания по обвинению во взятке. Тимофей же был намного более полезен: он победил лакедемонян в морском сражении, а также был сыном знаменитого полководца Конона (Din. I. 14). Однако это не помогло ему избежать наказания за взятку: «Тимофею вы не сделали никаких скидок и не пренебрегли в угоду таким благодеяниям ни происходившим тогда судом, ни клятвами, в соответствии с которыми вы подавали свой голос. Нет, вы присудили его к штрафу в сто талантов, потому что он, как об этом заявил Аристофонт, принял деньги от хиосцев и родосцев» (Ibid.).

Неужели для Динарха Тимофей вполне достоин снисхождения в наказании? Попросив зачитать перед судьями постановление об этом гражданине, Динарх вполне прямо об этом заявляет: «Таков был этот гражданин, Демосфен, который с полным правом мог бы получить от тогдашних своих сограждан и снисхождение и милость. Ведь он не на словах, а на деле оказал городу большие услуги, и он всегда оставался верен одному и тому же государственному строю, а не метался, как ты, из одной стороны в другую. До конца своих дней он ни разу не потребовал от народа таких привилегий, которые сделали бы его сильнее законов» (Din. I. 17). Почему же к Тимофею можно проявить снисхождение, а к Демосфену – нет? По мнению Динарха, Тимофей достоин этого за свои заслуги перед городом и за приверженность демократии, в то время как Демосфен причиняет государству вред и заигрывает с недемократическими силами.

О снисхождении к некоторым категориям нарушителей закона говорит и афинянин Эпихар, подавший иск против Феокрина: «Мне приходилось слышать от пожилых людей, граждане судьи, что вообще никогда нельзя делать снисхождения для преступивших законы, но если уж и следует проявить снисходительность, то, конечно, не к отпетым негодьям, пренебрегающим законами ради денег (ибо к подобным людям быть снисходительными неприлично) (εἰ δ' ἄρα δεῖ, μὴ τοῖς συνεχῶς οὔσι πονηροῖς μηδὲ τοῖς ἐπ' ἀγυρίῳ τοὺς νόμους προέμενοις (οὐ γὰρ εἰκός)), а к тем, кто, не желая того, нарушил какой-либо закон из-за своей неопытности» (Demosth. LVIII. 24). Обратим внимание, что Эпихар выражает не столько свою точку зрения, сколько позицию старшего поколения. Разумеется, ссылка на «пожилых» сделана в целях усиления влияния на присяжных, однако такая позиция все же представляется интересной. Она в какой-то степени противоречит тому, что говорит Эсхин, ведь он полагает, что бедность может быть принята как смягчающее обстоятельство. Но в то же время и Эсхин, и Эпихар выражают абсолютное неприятие к правонарушениям, связанным с жадной обогащения и наживы. Выходит, что взяточничество ради денег также было достойным наказания в глазах афинян.

Сторонники точки зрения о том, что осуждению подвергалось лишь то взяточничество, которое было направлено против интересов города,

приводят следующий аргумент: упоминания о взятках неизменно связаны с упоминаниями о государственной измене или опасности для государства [5, р. 224; 7, р. 110–111]. Однако так ли это на самом деле? Действительно ли мы не можем встретить осуждение взяточничества, связанного с частными интересами, а не с интересами всего города? Оказывается, можем. Вышеупомянутый афинянин Эпихар в речи против Феокрина доказывает, что последний занимается сикофангией – профессиональным доношением с целью получения взятки от преследуемого гражданина. Чтобы описать в суде нравственный облик своего противника, Эпихар рассказывает один эпизод из жизни Феокрина: «...вам следует понимать, что Феокрин и ныне такой же, как прежде. Немного времени спустя после этого голосования и после того, как его брат умер насильственной смертью, Феокрин так повел себя по отношению к покойному, что стал искать совершивших убийство. Дознавшись же, кто они, и *получив взятку, он оставил их в покое*» (ἀργύριον λαβὼν ἀπὸ τῆς ἀγῆς) (Demosth. LVIII. 28). По словам Эпихара, Феокрин нашёл убийцу брата и собирался судить его перед Ареопагом, однако затем помирился с ним. После рассказа о таком неллицеприятном для обвиняемого эпизоде из биографии истец рассыпается в едких характеристиках: «Нечего сказать, добрый муж Феокрин, честный и бескорыстный!» (Demosth. LVIII. 29). Таким образом, здесь Эпихар рассказывает о моральной стороне взяточничества со стороны Феокрина, чтобы с большей вероятностью добиться обвинительного решения.

И все же не стоит делать поспешных выводов относительно данного фрагмента. Если мы посмотрим на него в контексте всей речи, то заметим, что Эпихар периодически старается объяснить судьям, что процесс между ним и Феокрином тесно связан с государственными интересами, а не является лишь мстостью со стороны Эпихара за его отца. Правда, делает это не всегда умело. Так, например, в начале речи истец обещает рассказать об отношении Феокрина к государству: «Что же касается его поведения по отношению к государству (ведь он говорит, что вы для него на втором месте после домашних), то и это достойно вашего слуха» (Demosth. LVIII. 29). Однако далее он рассказывает о том, как подсудимый за взятку отказался преследовать обидчика сироты: «Но, получив от Полиевкта две сотни драхм и продав эти ужасные обвинения за маленькую взятку (τὰ δεινὰ ταῦτ' ἀποδόμενος μικροῦ λήμματος) — те самые обвинения, за которые мой отец был оштрафован на десять талантов, — он пошел на мировую и уничтожил жалобу, предав таким образом интересы сироты (τὴν γράφην ἀνέλετο προδοῦς τὸν ὀρφανόν)» (Ibidem. 32). Попечение о сиротах было важной составляющей социальной политики афинского полиса, начиная еще с Перикла, однако оно распространялось, по всей видимости, лишь на мальчиков, чьи отцы погибли в сражении [17, с. 166, 171; cf. 18, р. 50; 19, р. 288]. Эпихар упоминает, что сиротой был некий Харидем, сын Исхомаха, но ничего не говорит о подвигах его отца, о его гибели за родину, хотя это определен-

но стоило сделать, если обвинитель намеревался добиться определенного эффекта перед судьями. В конце речи Эпихар произносит длинную фразу с соответствующим началом – «Мы же из-за Феокрина лишаемся нашего государства...». Однако далее он почему-то не раскрывает, как именно страдает государство от действий Феокрина, а пытается очень витиевато показать вклад своих предков в жизнь Афин: «...за которое во время войны с лакедемонянами совершил много подвигов Аристократ, сын Секлия, дядя моего деда Эпихара, чье имя носит мой брат, присутствующий здесь» (Demosth. LVIII. 66). Складывается впечатление, что привязка к интересам полиса здесь идет как бы между делом, является некой необходимой деталью, без которой речь в меньшей степени будет выполнять свою главную задачу по убеждению присяжных.

Подобный прием прослеживается в речи Демосфена «Против Мидия», одной из целей которой, по мнению Л. П. Маринович, «доказать, что совершенное Мидием — это преступление, которое к тому же носит не частный, а государственный характер» [20, с. 107]. Похожую тактику мы видим в речи Исократ «Против Лохита», где обвиняемый, которого избил Лохит, пытается доказать присяжным, что это дело касается не только его одного, но и угрожает всему демократическому устройству Афин. Исократ полагал, что одним из условий хорошо составленной речи является важность затронутых в ней проблем [21, с. 50]. Когда важность судебного дела была невелика и касалась частных вопросов, оратор вполне мог преувеличить значимость обсуждаемого вопроса искусственно. О подобном приеме преувеличения (αὔξησις) описываемых событий писал Аристотель в «Риторике»: «Кроме того, топ о величине является общим для всех речей, так как фигурой преувеличения и умаления пользуются все ораторы (χρῶνται γὰρ πάντες τῷ μειοῦν καὶ αὔξειν)... » (Arist. Rhet. 1391b). Разумеется, в случае с политическими речами, необходимости в таком приеме не было: события говорили сами за себя.

Едва ли не любое частное дело можно превратить в дело государственное, если пользоваться определенными риторическими приемами, поэтому неудивительно, что в судебных речах мы часто встречаем попытки обвинителей увеличить масштаб своего бедствия, рассказав, как его проблема может коснуться всего города и каждого гражданина в отдельности. Конечно же, психология присяжного гораздо живее откликнется на призыв, в котором есть некая «общая беда», требующая немедленной реакции. Тем более данная особенность правосознания работает относительно взяточничества. Когда о нем рассуждаем мы, люди современности, то обычно говорим не о вреде для отдельного человека, а о вреде для всего общества.

Возвращаясь к дискуссии между Ф. Д. Харви и Г. Ванкелем, стоит упомянуть, что первый напрямую предостерегает нас от вывода о том, что все афинское общество терпимо относилось к взяткам, которые не направлены против интересов города [7, р. 108]. Второй, в свою очередь, преувеличива-

ет категоричность выводов своего оппонента: Ф. Д. Харви нигде не пишет, что взяточничество, направленное против интересов города, было единственно наказуемым. В его статье указывается, что дар (*dōron*), направленный против интересов города, был единственным фактически незаконным видом дара. Однако из этой фразы вовсе не следует, что Ф. Д. Харви уверен в отсутствии наказания в других случаях взяточничества. Причем он пишет об этом прямо: «The evidence falls short of proving the other side of the coin, that other types of *dōrodokia* were condoned; but that would be a reasonable, though not inevitable, inference» [7, p. 112].

Таким образом, в вопросе о терпимости афинского общества к взяткам мы можем заключить, что у нас нет прямых доказательств тому, что афиняне осуждали лишь то взяточничество, которое вредило интересам всего города, а все остальные взятки оставались без наказания. Проблема состояла скорее в том, где проходит грань между обычным обменом и взяткой. Именно поэтому рассуждения о полезных и вредных для полиса дарах определенно присутствовали в общественном дискурсе, однако они не имели решающего значения для суда. Часто встречающаяся отсылка к опасности для города и опасности для демократии в некоторых случаях, связанных с частными интересами отдельных граждан, является способом воздействовать на решение дикастов в нужном для обвинителя ключе. Точно так же ораторы поступают, рассуждая о том, как взяточничество подрывает экономическую безопасность города и ставит его существование под угрозу [22, с. 426–427]. Вполне четко просматриваются попытки смягчить мнение присяжных с помощью апелляции к заслугам обвиняемого. Можно наверняка утверждать, что в каждом конкретном судебном процессе афинский суд присяжных учитывал конкретные обстоятельства дела и заслуги подсудимого перед городом. В некоторых случаях они могли снизить степень наказания, но вряд ли помогли бы вовсе избежать его.

Ссылки

1. Мухаметшина Е. Россияне против коррупции во власти, но к бытовым взяткам относятся спокойно [Электронный ресурс] // Ведомости. 28.03.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/28/682969-rossiyane-protiv-korrupsii> (дата обращения 03.03.2026).
2. Lewis D. M. Persian gold in Greek international relations // *Revue des Études Anciennes*. 1989. Т. 91, № 1–2. P. 227–234.
3. Kulesza R. *Zjawisko korupcji w Atenach V–IV wieku p.n.e.* Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994. 175 s.
4. Lagger U. „Ich doch nicht!» Bereicherung und Korruption in griechischen Gerichtsreden // *Akten des 17. Österreichischen Althistorikerinnen- und Althistorikertages* / ed. F. Beutler, N. F. Riegler. Wien, 2018. S. 35–51.
5. Perlman S. On Bribing Athenian Ambassadors // *GRBS*. 1976. Vol. 17. No. 3. P. 223–233.

6. Taylor C.I. Bribery in Athenian Politics Part II: Ancient Reaction and Perceptions // *Greece & Rome*. 2001. Vol. 48, No. 2. P. 154-172. DOI: 10.1093/gr/48.2.154
7. Harvey F. D. Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // *History of Political Thought*. 1985. Vol. 6, No. 1/2. P. 76-117.
8. Buhan B., Hill L. Conceptions of Political Corruption in Antiquity // *An Intellectual History of Political Corruption*. Palgrave, 2014. P. 9-45. DOI 10.1057/9781137316615_2
9. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. (Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин) / пер. под ред. К. М. Колобовой; Гиперид / пер. Л. М. Глускиной (Ленинград) // ВДИ. 1962. № 1(79). С. 203-242.
10. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / изд. подготовил Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.
11. Liddell H. G., Scott B. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. 2042 p.
12. Hyperide. Discours / Ed. G. Colin. P.: Belles Lettres, 1946. 391 p.
13. Minor Attic Orators. Vol. II: Lycurgus. Dinarchus. Demades. Hyperides. With an English translation by J. O. Burt. (Loeb Classical Library). L., 1954. 628 p.
14. Hyperides. The Forensic Speeches. Introduction, Translation and Commentary by David Whitehead. Oxford, 2000. 523 p.
15. Blösel W. Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert. Studien zur Geschichte und historiographischen Konstruktion des griechischen Freiheitskampfes 480 v. Chr. Stuttgart, 2004. 422 S.
16. Wankel H. «The Hyperides principle»? Bemerkungen zur Korruption in Athen // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1991. Vol. 85. S. 29-53.
17. Кудрявцева Т. В. Попечение о сиротах в афинском полисе и декрет Феозотида // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2002. № 2. С. 164-174.
18. Dmitriev S. War Orphans and Orphans of Democracy in Classical Athens: The Decree of Theozotides and the Prytaneion Decree Reconsidered // *From Document to History Epigraphic Insights into the Greco-Roman World (Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy. Vol. 12)*. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 37-55. DOI 10.1163/9789004382886_004
19. Stroud R. S. Greek Inscriptions: Theozotides and the Athenian Orphans // *Hesperia*. 1971. Vol. 40, Issue 3. P. 279-301. DOI 10.2307/147528
20. Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению: учебное пособие. М.: КДУ, 2007. 212 с. EDN QPFRDX
21. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: Наука, Восточная литература, 1994. 255 с.
22. Базаров А. В. Экономические последствия взяточничества в речах афинских ораторов V-IV вв. до н. э. // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2025. Т. 19, № 3. С. 420-427. DOI 10.18255/1996-5648-2025-3-420-427